

«Поэту в этот город сложно не вернуться...»

Интервью с Ильей Каминским

Записал Евгений Деменок

Тому, кто хоть как-то интересуется современной поэзией, имя Ильи Каминского скажет о многом. Вышедшие в США сборники «Танцы в Одессе» (2004) и «Республика глухих» (2019) принесли ему множество наград, от Премии Уайтинга и Dorset Prize за первый сборник до Книжной премии LA Times, Книжной премии Анисфилд-Вольф в области поэзии, Национальной еврейской книжной премии за «Республику глухих». Илья был финалистом Национальной книжной премии, Национальной книжной премии кружка книжных критиков, премии PEN/Jean Stein, премии Кингсли Тафтса, премии Forward (Великобритания), премии Т.С. Элиота (Великобритания).

«Республика глухих» названа лучшей книгой года по версиям Washington Post, New York Times Book Review, Times Literary Supplement, Publishers Weekly, Financial Times, The Guardian, Irish Times, Library Journal, The Telegraph, Vanity Fair, Huffington Post и множества других изданий и организаций. В год выхода сборника, в 2019-м, BBC назвала Илью Каминского одним из двенадцати творческих людей, изменивших мир.

Стихи и эссе Ильи переведены более чем на двадцать языков и изданы во множестве стран. Илья также является переводчиком, редактором поэтических антологий и страстным популяризатором поэзии. Он основал и издал серию книг «Поэты в мире» – в ней публикуются стихи авторов из разных стран Восточной Европы, Южной Америки, Китая и даже Ирака. Долгое время он был редактором поэзии в Words Without Borders и Poetry International. Илья преподавал поэзию в Университете Сан-Диего, а сейчас заведует кафедрой поэзии Борна в Технологическом институте Джорджии в Атланте.

Если кратко, то можно сказать так: Илья – один из самых известных одесситов, живущих в наше время. Несмотря на то, что он с родителями уехал из Одессы в США в 1993 году, он постоянно пишет об Одессе, а после начала ужасной войны стал ангелом-хранителем одесских литераторов и изданий. С его помощью в США были собраны немалые средства для поддержания «Вечерней Одессы», нашего альманаха и просто тех, кто даже в эти дни не перестает выражать свои чувства и мысли в поэзии и прозе.

Одесское детство Ильи Каминского было непростым – в четыре года из-за неправильного диагноза он практически полностью утратил слух. Тема глухоты стала одной из ключевых в его творчестве – недаром второй его сборник получил такое название. В 2018-м Илья опубликовал в журнале *The New York Times Magazine* вызвавшее большой резонанс эссе «В поисках потерянной Одессы – и глухого детства. Поэт возвращается в свой родной город».

Наш разговор мы и начали с одесского детства.

– Если позволите, начнем с самого начала. Самые первые свои стихотворения, написанные еще на русском, вы собрали в небольшую книжку «Благословенный город». Могли бы вы рассказать о ней подробнее?

– Это было давно, я был подростком, посещал студию «Круг» замечательного Юрия Михайлика. Хотя, впрочем, о чем он говорил, я не слышал, так как у меня не было слуховых аппаратов... Молодые поэты должны сжигать свои стихи. Но это неинтересно. Интереснее то, как в детстве поэзия оживает в теле человека, как она начинается.

Илья Каминский выступает на открытии «Одесской недели» в Париже. Ноябрь 2022 г.

- Можете рассказать об этом больше?

- Однажды в Одессе: 1981 год, десять лет до распада СССР. Мой отец приводит меня на балет, оставляет меня, четырехлетку, на краю сиденья.

Он ходит за продуктами, пока я – глухой мальчик – смотрю, как музыка Чайковского заставляет людей на сцене кружиться, прыгать. Каждую минуту маленький Щелкунчик в пальто фасона восемнадцатого века разрезает воздух ножницами летающих ног: он царапает воздух на лету.

После балета Одесса для меня уже другая: я смотрю в окно и простым глазным яблоком наклоняю всю аллею набок.

- А что случилось потом?

- Однажды в Одессе: я – пятнадцатилетний мальчик, и крупный мужчина смеется надо мной в общественном транспорте, когда я говорю, что пишу стихи.

Невозможно! Как глухой вообще может знать, что такое поэзия?

Дома спрашиваю отца:

- Что такое поэзия?

Отец делает то же, что и всегда: он начинает рассказ.

- Однажды глухой попросил жену сесть за рояль и сыграть как можно громче весь репертуар Шопена. И пока она стучала по клавишам, он упал на руки и колени и впился в деревяшку рояля. И это...

Отец сделал паузу. Ему не нужно было продолжать. Я понял. Но он продолжал:

- Это поэзия.

- А дальше?

- Однажды в Одессе: в какое-то давно потерянное воскресенье мои родители и их друзья за кухонным столом кричат до глухой ночи: кто лучше, Ахматова или Цветаева? Что будет с реформами Горбачева? Есть ли Бог?

Днем мать и отец стоят в очередях за молоком и осторожно обходят всяких там начальников, управдомов и профсоюзников. Но по ночам всегда кто-то кричит: «Я не религиозный человек! Но я верю, что в нас есть божественное!».

Великие дебаты моего детства всегда связаны с рюмками перцовки и сливовой водки, которые отец носит своим друзьям на маленьком подносе.

Если и есть религиозная мания, за которой я готов бежать, позвякивая портфельчиком и клацая зубами, так это Церковь Кухонного Стола на улице Советской милиции в доме 33, квартире № 1 в Одессе. Где вечерами они и сейчас толпятся вокруг стола и кричат друг другу: «Есть ли Бог?».

– А как вы начали писать?

– Однажды в Одессе: 1980-е, когда поэты еще работают в газетах. Многие газеты перестают работать. Журналисты едут челноками в Турцию. Это было немножко голодное время. Это было очень захватывающее время. К нам в класс пришел издатель.

– Кто хотел бы писать для газеты?

Комната, полная рук.

– Кто хотел бы писать бесплатно для газеты?

Одна рука медленно поднимается.

Так я начал писать заметки для газеты «Вариант», потом для «Порто-Франко».

В коридоре редакции я встретил старика с тростью, Валентина Мороза, одесского украинского поэта, человека, у которого в советское время иногда были проблемы с чиновниками.

Он читал в коридоре Осипа Мандельштама, садился рядом со мной, не в силах усидеть на месте, не в силах читать спокойно, не в силах сделать вид, что не вдыхает большими глотками вольный воздух с каждой строкой. Его голос дрожал, когда он читал строфу, а затем обращался к глухому мальчику:

– Ты слышишь? Ты слышишь? Это Мандельштам, этот сукин сын Мандельштам, лучше этого сукина сына Мандельштама никто не пишет. Разве ты не знаешь этого Мандельштама?

Я не знал.

Мороз встал. Он читал, стоя в оживленном коридоре. Он взял меня за руку.

К трамваю.

В его квартиру.

Он читал стихи на память всю дорогу от коридора до трамвайной остановки и всю дорогу от пятнадцатого трамвая до своего дома.

Я ушел от него с сумкой книг и с запиской не возвращаться на следующей неделе, если не прочитаю и не выучу наизусть стихи Мандельштама.

Вот так началось мое образование.

– Мы знакомы довольно давно – кажется, уже восемь лет, но в этом году общаемся, пожалуй, наиболее интенсивно. После начала войны вы стали ангелом-хранителем одесских литераторов, вы бесконечно собираете деньги для их поддержки, и помощь ваша бесценна. Вы уехали с родителями в Америку почти двадцать лет назад, но ваша связь с Одессой никогда не прерывалась, верно? И все же, как мне кажется, в этом году она наиболее интенсивна?

– Одессу бомбят, электричества нет, во многих местах нет ни тепла, ни воды. Мой дядя живет на улице, где в один из домов попала бомба. Моя бабушка похоронена на кладбище, куда упала еще одна бомба.

Почему связь с Одессой в этом году – интенсивна? Сама жизнь – интенсивна!

– А как насчет вашей семьи, которая уехала?

– Как и многие другие евреи, моя семья уехала в 1990-х годах. Вот общая картина: когда родились мои родители, евреи составляли более 35% населения города. Вероятно, когда я родился, их было уже около 20%. Сегодня – менее 1% населения!

Что касается моей семьи. Родным языком моей бабушки был идиш. Они с мамой говорили друг с другом на идише. Но моя мать отказалась учить меня идишу, потому что наш родственник был забит до смерти на улице в Умани – за то, что говорил на идише.

Бабушка, мама, тетя – все отказались вернуться в Украину, даже на короткое время. Вот так.

– Но вы часто возвращаетесь?

– Как писатель, уже много лет живущий далеко от Одессы – в Праге, Женя, вы наверняка знаете: поэту в этот город довольно сложно *не* вернуться.

Невозможно вырвать этот город из нервной системы!

Так что возвращаюсь почти каждое лето – но возвращаюсь сюда не для того, чтобы участвовать в литературной жизни, я стараюсь избегать этого, прихожу сюда ухаживать за могилами. Кровь в моих жилах течет по карте одесских улиц, которые идут от Еврейского кладбища до Привоза, до оперы, до моря.

– В знаменитом эссе «Searching for a Lost Odessa – and a Deaf Childhood», опубликованном в 2018 году в New York Times, вы пишете: «Я в Одессе, отец. Это 2018 год, 25 лет после того, как мы покинули этот город. Я возвращаюсь сюда, чтобы выключить слуховые аппараты и остановить время». Этот пронзительный текст словно поставил точку в переживаниях одесского детства, которые много лет были с вами в другой части света, в Америке, и в то же время стал отправной точкой для нового познания Одессы. Сейчас вы говорите о родном городе чуть ли не в каждом интервью. Первую книгу вы назвали символически: «Dancing in Odessa». Кажется, что травмы прошлого изжиты, и Одесса много лет является для вас источником вдохновения. Так ли это?

– Когда я рос в этом городе, у меня не было слуховых аппаратов до шестнадцати лет: будучи глухим ребенком, я воспринимал свою страну как нацию без звука. Я-услышал-глазами-как развалился СССР.

Гуляя по городу, я наблюдал за людьми; их уши были все время открыты, у них не было крышек. Меня интересовало, как выглядят звуки. Свист. Шипение. Свисток. Звук поворота ключей в замке или вода, текущая по трубам двумя этажами выше нас. Я мог легко заметить, как люди вокруг меня говорили друг с другом глазами, не осознавая этого.

Но что, если бы вся страна была глухой, как я? Чтобы никто не слышал, когда отдаются команды милиционера? Даже сейчас мне нравится представлять это: теперь в мирное время правит

мафия, во время вторжения маршируют русские солдаты, да? Что, если бы мы все просто отказались их слышать?

Тишина, этот последний район, навеки нетронутый мудростью правительства.

- Так что ваша Одесса была немного другой реальностью...

- Да, моя Одесса – это какая-то странная реальность. Поскольку мой первый язык не был ни русским, ни украинским, ни идишем, а читая по губам, я смотрел, как двигаются тела людей, и это был первый язык, который я знал.

И вот уже много лет, возвращаясь в Одессу, я выключаю слуховые аппараты, и это состояние возвращается – и приносит с собой поэзию.

- Как?

- Через изображения, образы.

- Почему образы?

- Потому что в какой-то момент я понял, что образ – это интернациональный язык, он пересекает границы времени и пространства, мы до сих пор восхищаемся образами многовековой давности (образ мальчика, играющего на флейте коровам, у Горация, или образ девочки, опускающей руку в воду и пьющей, в древнекитайской поэме – это простые образы, их может понять любой человек в любой стране через тысячи лет); мы носим их в своих телах, в воспоминаниях – образы переселяются в сны, в речь.

- Итак, вы идете по улицам Одессы и...

- Я научился пребывать наедине с тишиной в городе: это делает поэзию для меня живой, на улицах она осязаема.

- Поэзия на каком языке?

- Конечно, сейчас я пишу стихи на английском.

- Расскажите, как вы перешли на английский.

- Когда мы приехали в США, мне было шестнадцать лет. Мы поселились в Рочестере, далеко на севере штата Нью-Йорк. Вопрос

о написании стихов на английском был бы забавным, так как никто из нас не говорил по-английски – я почти не знал алфавита (кстати, именно поэт Людмила Херсонская научила меня английскому алфавиту в 1993 в Одессе). Но прибытие в Рочестер, небольшой американский городок, было скорее удачным событием – это было похоже на прибытие в дом писателей, городок этот совсем не похож на Одессу. Одноэтажная Америка. Делать было абсолютно нечего, кроме как писать стихи. Почему тогда английский – почему не русский? Мой отец умер в 1994 году, через год после нашего переезда. Я сразу понял, что написать о его смерти русским языком мне будет невозможно. Как говорит где-то один автор о своем покойном отце: «Не становись прелестными строчками вычурных стихов». Я выбрал английский язык, потому что никто из моей семьи или друзей не знал его; никто, с кем я разговаривал, не мог прочитать то, что я написал. Сам я языка не знал. Это была параллельная реальность, безумно красивая свобода. Это все еще так.

– Мы в Одессе часто говорим о том, что миф о городе постепенно вытесняет реальность, и чем сложнее реальность, тем более прекрасным становится миф. В интервью Колину Келли из Reporter Newspapers and Atlanta Intown, которые вы дали в апреле этого года, вы тоже говорите о том, что «памятников писателям здесь больше, чем в любом другом городе, где я когда-либо был. Когда у них закончились писатели, они стали ставить памятники вымышленным персонажам». Вы постоянно воспеваете и восхищаетесь одесским юмором. Мне кажется, что вы с удовольствием преумножаете одесский миф, не так ли?

– О писании стихов надо говорить точно – или ничего. Давайте будем точными.

Для кого миф: для потребителей или производителей?

Для потребителей: сказка Одессы прекрасна!

Но для производителя, практикующего литератора это очень опасная вещь, она приводит к красованию перед зеркалом.

И висящая постоянно перед глазами большая картонная вырезка «Смотрите, у нас миф!» мешает делать то, что нужно писателям: заново видеть вещи.

– Можете ли вы рассказать об этом подробнее?

– Писатели, отказывающиеся отступить от собственных мифов, верящие в собственную пропаганду, очень быстро становятся скучными – как клоуны, смеющиеся над собственными шутками.

Писатель – существо неутомимое, постоянно меняющееся, с постоянно развивающимся воображением. Писатель – существо, постоянно ломающее правила и мифы, изобретающее новые, придумывающее новый язык.

Когда ностальгия *проблематична*? – когда настоящее превращается в уже прошедшее, отказывается видеть жизнь вокруг на улицах.

Но интересно: когда ностальгия *полезна*?

Когда ее видят не как рай, а как инструмент, например молоток. Да, ностальгия должна быть молотком, а не всем домом и не всем городом.

Не «ностальгия – это наше все», а «ностальгия как прием». Пример: ностальгия как язык, на котором мы говорим с мертвыми, язык потусторонний.

Вот эта перспектива мне интереснее.

В интервью всегда буду говорить об Одессе с обожанием (Это город, в котором влюбились мои родители! Это земля, где похоронены мои предки поколениями!), но когда я сажусь за писательский стол и закрываю дверь, одесский миф – это последнее, о чем я хочу думать.

А хочу думать о том, что значит жить на планете, о которой мы почти ничего не знаем, рядом с существами, о которых мы ничего не знаем, во Вселенной, о которой мы ничего не знаем... Что значит быть живым и пытаться говорить языком поэзии с людьми, которых уже нет в живых.

Говорить с мертвыми какими поэтическими средствами? Ремеслами?

Я хочу задавать невозможные, проклятые вопросы. Хочу следовать за музыкой, не зная, куда она может привести.

То есть меня действительно не интересуют готовые лозунги типа «Одесса – центр мира». (Сколько можно быть центром мира? Пора уже стать частью мирового сообщества!) Меня интересуют неуверенность в себе, открытие, удивление.

– Летом, несмотря на войну, вы снова приезжали в Одессу, побывали на одном из вечеров нашей литературной студии «Зеленая лампа». С вашей помощью эссе, очерки и стихи одесских литераторов появились в международных изданиях, в том числе в *World Literature Today* и *The Paris Review*. По вашему мнению, литература в Одессе жива? Конечно же, мы уверены в том, что нынешняя плеяда новых одесских авторов – явление достойное и примечательное, но хотелось бы понимать, как все выглядит извне, со стороны.

– В Одессу каждое лето, всегда вернусь, как кукушка, которая открывает носом дверцу и кукует, кукует, кукует.

Если Путин хочет свою идиотскую, ужасающую войну, это его преступление и преступление его соотечественников.

Моя работа – заботиться о могилах моей семьи в Одессе, это последнее место жительства, которое оставила моя семья в этом городе: могилы на Еврейском, Втором Христианском, Таировском кладбищах. Они спят там, как маленькие дети.

Когда люди, которых вы любите, умирают, вы постоянно ищите способ остановить время, хотя бы на мгновение. Это мой способ – приходиться, мыть могилы и сажать цветы.

– **Что касается помощи одесским писателям...**

– Люди помогают друг другу в трудную минуту. Каким идиотом я был бы, если бы не сделал этого?

Город бомбят. Если мы будем говорить о его литературе, наш первый вопрос должен звучать так: как помочь авторам выжить в это время?

Все остальное – шелуха.

– **А что нынешняя плеяда?**

– Женя, люди выживают без электричества, а часто без воды и тепла – а ты хочешь, чтобы я начал ранжировать их стихи?

Читают стихи под сирену воздушной тревоги: угощают друг друга вишнями и наливают друг другу по бокалу вина – я видел это этим летом своими глазами.

Помню чудесные умные многоголосые, часто не согласные посылки Михайлика в Шахском дворце в начале 1990-х. Эта группа

очень *иная*. Речь идет не столько о критическом обсуждении стихов, сколько о том, чтобы дать людям возможность быть услышанными. В военное время это так важно – быть услышанным.

Отворяется дверь, и появляется Голубовский, приветствует всех, очень терпеливо, очень ласково и грациозно, и слушает, и слушает, и слушает, и...

– И...

– И вой воздушной сирены – а люди дарили друг другу стихи. Сегодня для меня этого более чем достаточно, чтобы встать и начать аплодировать.

Так что, конечно, я хочу похвалить каждого одесского поэта прямо сейчас, во время вторжения, читающего стихи тем, кто решил остаться в этом городе, но...

– Но...

– Но проблема с именами в том, что я неизбежно кого-то забуду, и чувства будут задеты, но...

– Но?

– Но скажу так: я преподаю литературу вот уже пятнадцать лет. Это факт, что каждая великая новая эпоха в литературе совпадает с великой новой эпохой художественного перевода. Писатели, которые находят что-то новое в чужой поэтике, часто являются теми, кто меняет поэтику родного города, своего времени. (Можно говорить о влиянии древних вавилонских мифов на еврейскую Библию, греческих – на римских поэтов, Боккаччо – на Чосера. Далеко ходить не надо: вспомните Сковороду, который знал и писал на нескольких языках. Вспомните одесских писателей: влияние идиша и французского на Бабеля, влияние украинского на Багрицкого...)

Поэтому я так счастлив, что среди наших одесситов сейчас есть писатели, которые переводят с японского, английского, древнееврейского, есть те, кто пишет на украинском и на русском и так далее.

Думаю, в этом городе столкновение языков всегда было плодотворным для писателя.

Удивительно и то, сколько здесь жило художников и музыкантов: живопись и музыка, несомненно, открывают новые перспективы для писателей. Если писатель сможет найти способ перенести их в литературу. И поэтому меня радует, что в Одессе есть люди, которые либо занимаются искусством, либо пишут о нем. Это тоже – метафорическое окно.

– Во время нашей недавней встречи в Париже, на Un weekend à l'est, неделе культуры, посвященной в этом году Одессе, где вы представляли одесскую литературу, вы рассказывали о родившихся в Одессе Алене Боске, классике французской литературы, и Регине Дериевой, о которой восторженно отзывался Иосиф Бродский. Одесса никогда не забывает и не отпускает своих, где бы они ни жили, куда бы ни уехали. Считаете ли и вы себя частью одесской литературной традиции?

– Одесса всегда в моей жизни. Когда меня там нет, я хожу по улицам во сне. Хотя, в конце концов, моя зарубежная жизнь, языковой опыт – это то, что я привезу с собой. (Можно быть влюбленным, но не стоит обманывать себя. Я эмигрант.)

Параллельно я приношу Одессу в свои англоязычные произведения: Этот одесский темперамент смеха в час трагедии, эти танцы, чтобы не упасть...

Скажу честно: я иногда сомневаюсь – к чему столько смеха во время чумы? Не следует ли дать людям время погоревать?

А скорбеть есть о чем: город потерял треть населения – это история моей семьи из двадцатого века.

У скольких людей опять эта пластинка играет в 2022?

Неужели маска смеха слишком сильно прилипла к лицу города, и теперь ее невозможно сорвать?

Но в итоге одесское неповиновение через юмор, через стиль – меня покоряет, ведь я здесь родился.

И вот я хочу поженить эти прямо противоположные эмоции, горе и смех, на языке, который не очень подходит для такого темперамента, английском. Поженить, да. Как говорила моя бабушка на идише, сама жизнь – это свадьба.

– Каждый мальчик из приличной одесской семьи должен получить хорошее образование и иметь в руках надежную профессию. У вас есть юридическое образование. Но поэт давно и с разгромным счетом победил юриста – как в свое время художник победил юриста у выросшего в Одессе Василия Кандинского. Много лет уже вы преподаете поэзию и литературное творчество – когда-то в Сан-Диего, в Атланте, сейчас в Принстонском университете недалеко от Нью-Йорка. Расскажите об этом, пожалуйста.

– Преподавание – это то, что мне нравится: это удовольствие иметь возможность увидеть, как меняется мышление молодого человека, преобразуется благодаря тому, что каждый обнаруживает на странице. И они обнаруживают очень разные вещи!

– Кого из одесских учителей вы больше всего помните?

– Это, без сомнения, Лидия Адольфовна Щербина в 107-й школе – она привила многим в городе любовь к литературе, и я не исключение.

Если сейчас, в этот момент, по улицам города ходит десяток человек, бормоча себе под нос стихи, девять из них, вероятно, бывшие ученики Лидии Адольфовны.

– Встречались ли вы с ней, когда возвращались в Одессу?

– Конечно. А еще я приезжал сюда с другими поэтами с Запада, которые тоже с ней встречались. Она была очень любознательным человеком, ей хотелось знать, как устроена поэзия на другом языке. Каких писателей любят читать, кого переводят и почему. Она хотела знать все. Я предложил Лидии Адольфовне создать ежегодную серию открытых бесплатных лекций о мировой литературе и поэзии, которые проходят в Одессе на разных языках. Почему бы не поговорить о современных французских, немецких и бразильских поэтах в Одессе?

Но потом она заболела и умерла, а потом моя мать сильно заболела на долгие годы, и мое внимание переключилось на другие вещи. Но я все еще думаю, что это была бы отличная идея.

Илья Каминский и Евгений Деменок. Париж, ноябрь 2022 г.

- Во многих интервью, которые вы дали в этом году, вы говорите о стойкости украинского народа, а еще о том, что поэзия сейчас, во время войны, нужна как никогда. В мае тридцать пять одесских авторов собрали свои тексты для сборника «Война». Евгений Михайлович Голубовский, инициатор этого (как и десятков других) сборника, сказал, что, когда говорят пушки, музы ни в коем случае не должны молчать. Однако история много раз показывала, что чтение поэзии вовсе не уменьшает ни жестокость, ни невежество – достаточно вспомнить амбициозный проект Иосифа Бродского, когда он как поэт-лауреат настоял на активном распространении поэтических сборников в США, чтобы бороться с «пошлостью человеческой души». Увы, человеческая натура остается прежней. И все же вы верите в спасительную силу поэзии. Почему?

- На мой взгляд, великий поэт – это не тот, кто кричит в микрофон на стадионах при многотысячной толпе, а очень закрытый человек, который пишет красиво и достаточно странно, настолько завораживающе, что слова на странице могут сказать что-то очень личное многим людям *одновременно*.

Не публичное позерство, а очень частная речь, в которой стих становится личной речью читателя.

Ты просыпаешься посреди ночи, ты в кризисе, ты не находишь слов, а потом, ах, вспоминаешь строчку. Или ты шепчешь про себя слова поэта, как свои собственные.

А потом ты переворачиваешь подушку на другую сторону, тебе становится немного спокойнее, ты снова можешь спать.

В каком-то смысле стихотворение завораживает нас (как заклинание в прошлые века).

Мы должны вернуться к нему, должны запомнить его, должны пронести в своем теле через годы, взывая, как раненое животное, к строкам из памяти, когда у нас больше ничего нет, глоток воздуха.

Вот что со мной делает поэзия. Желаю вам того же.

- Много лет вы были редактором серии Poets in the World, в которой выходили в переводе на английский поэтические

сборники авторов из разных стран. Есть ли у современных украинских поэтов шансы на издание сборника в этой серии?

– Рад сообщить, что новая антология поэзии из Украины, которую я только что редактировал с американской поэтессой Кэролин Форче, будет опубликована этой весной издательством Arrowsmith Press в Бостоне.

– Еще до войны мы с вами говорили (вернее, говорили вы, а я восторженно соглашался) о том, что было бы здорово привозить каждое лето двух-трех поэтов с мировым именем на литературную резиденцию в Одессу – с тем чтобы они, создавая тексты о нашем родном городе, прославляли его, увеличивали его популярность и узнаваемость в мире. После войны это станет еще более актуальным, как вы считаете?

– Я планирую быть в Одессе этим летом. Если будете в Одессе – давайте поговорим.

Меня интересует литературный разговор: здесь, в Одессе, мы мифологизируем, например, Бабеля. А если посмотреть на него с точки зрения других писателей из разных стран мира?

Что, если бы великие писатели последних пятидесяти лет, находившиеся под его влиянием – а их было немало, – имели возможность побывать в Одессе? И я имею в виду действительно важных писателей, таких, как лауреаты Нобелевской премии Каннетти, Зингер или Беллоу, или несколько более молодых, таких как Грейс Пейли, Синтия Озик или Богумил Грабал. Все они либо говорили о его творчестве, либо писали о нем. (Синтия Озик сравнивала Бабеля с Кафкой. А вот, например, Джон Апдайк писал, что Бабель не великий писатель, что ему ой как далеко до Кафки. Я думаю, Бабель замечательный, но сравнение интересное, тут есть о чем поспорить.) Все они теперь мертвы. А если бы в свое время они побывали в Одессе и поговорили с другими одесскими писателями? Подружились?

Конечно, люди уже приезжают сюда на фестивали. Но что происходит на фестивалях? Иностранцы писатели в основном разговаривают с другими иностранными писателями на английском или немецком языке. Они заняты своими чтениями и посещают

чтения друг друга. У них буквально нет времени разговаривать с одесситами.

Поэтому моя идея такова: давайте привезем их в город чуть на дольше, чем на два-три дня, давайте привезем их по одному, давайте проследим, чтобы они подружались с одесскими писателями и вместе погуляли по улицам города. Так начинается дружба, начинается разговор.

Пусть посидят в кафе, вместе пойдут на море, запишут новые образы и поймут новые мелодии.

Вопрос о спонсорах, конечно. Но я думаю, что смогу найти спонсоров. И я благодарен вам за то, что вы продолжаете возвращать эту идею. Спасибо вам за это.

– Мой пражский приятель, поэт Антон Романенко, защитил недавно в Карловом университете магистерскую работу, посвященную вашему творчеству, о котором говорит с восторгом и придыханием. Одной из книг, которую вы перевели вместе с супругой Кейти Фаррис, является книга «Если бы я родился в Праге» канадского поэта Ги Жана. Не могу не спросить: бывали ли вы в Праге?

– Привет Антону Романенко! Я никогда не был в Праге, но когда приеду, мы выпьем хорошего кофе и почитаем вслух Кафку на скамейке в парке. Потом выпьем покрепче, пойдём к другой скамейке и почитаем стихи Владимира Голана. А потом на другую скамейку, где, может быть, уже сидит хорошенькая девушка и читает вслух рассказы Богумила Грабала. И мы послушаем, пошепчемся и пойдём в ресторан. Это будет хороший день.

Мы жили счастливо во время войны

И когда они бомбили чужие дома, мы
негодовали,
но мало, мы протестовали, но
мало. Я сидел
в кровати, вокруг кровати Америка

разваливалась: невидимый дом за невидимым домом
за невидимым домом.

Я вынес на улицу стул и смотрел на солнце.
На шестой месяц
гиблых дел в доме денег
на улице денег в городе денег в стране денег
в нашей самой прекрасной стране денег,
мы (смилуйся над нами)
жили счастливо во время войны.

Перевела Вальжина Морт

Элегия

И все же я есть. Я существует. У я
есть тело;
при виде

стройных мальчишечьих ног моей жены
небо
пересыхает у меня во рту.

Она берет палец моей ноги
себе в рот.
Покусывает.

Как же нам жить на Земле, Соня?
Если бы я мог услышать

тебя, что бы ты мне сказала?
Твой ответ, Соня!

Прежде всего, берегись
печали:

на Земле мы ведь можем делать
– можем ли? –

что захотим.

Перевел Дмитрий Кузьмин

Тост

Якщо ти хочеш цього, це не сон.

Теодор Герцль

Жовтень: виноградні грона були, як руки дівчат,
складені в молитві. Пам'ять,
шепочу я, прокидайся.
В моїх венах
довгі склади натягують свої мотузки, дощі приходять
і проливаються ідишем вісімнадцятого
століття, або темною мовою, для якої існує
єдине слово: уява.
Уява! юна дівчинка танцює польку,
безстрашно сповіщаючи про божу смерть
(чи про те, що бог сховався під ліжком, чекаючи
на Месію).
В моїй країні дощ вечорами приносить воду, складки
тополь бронзовіють у світлі, що зблискує на цих сторінках,
де я, батьки,
нездатний описати ваші сни, п'ю
свою тишу.

Переклав Сергій Жадан

На танцах в Одессе

Где мы жили? На север от будущего, куда спешили
письма, подписанные ребенком: ягода малины, страница неба.
Бабушка бросалась помидорами
с балкона, она натянула фантазию
мне по самые уши. Я рисовал
мамино лицо. Она копалась
в одиночестве, мертвецов зарывала в землю, как партизан.
Ночь раздевала нас (я щупал
ее пульс) мама танцевала, заставляя прошлое
персиками, запеканками. Мой доктор смеялся, его внучка
прикоснулась к моему веку – я целовал
ее под коленкой. Город дрожал,
призрак-корабль отчаливал.
Мой одноклассник придумал двадцать прозвищ для евреев.
Сам он был ангелом, безымянным,
и да, мы сразились. Мой дед шел
против немецких танков на тракторе, я жил с чемоданом
стихов Бродского. Город дрожал,
корабль-призрак отчаливал.
По ночам я просыпаюсь, шепчу: да, мы жили.
Мы жили, да, это вовсе не сон.
На заводе отец взял пригоршню снега
и положил ее мне в рот.
Солнце, его каждодневный рассказ,
отбеливало их тела: мама, отец танцевали,
а темнота была шепотом за их спинами.
Где мы жили? В апреле. Солнце моет балконы. Апрель.
Эту сказку свет выжиг
на моей ладони: книжечка, иди в город одна.

Перевела Вальжина Морт

*

Однажды или дважды
За время жизни
Каждого из нас очищают от кожуры,
Как яблоко.

Остается голос,
Проникающий в самую сердцевину
Нашего существа.
Так посмотришь – слякоть, скабрзность, грязь.
Но форма, но очертание, но силуэт!
Вот она – радость.
Вот благодаря чему
Мы больше, чем тишина.

Перевела Полина Барскова

